

В. С. Балакин

**ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО И СОВЕТСКАЯ НАУКА:
ТРУДНЫЙ ПУТЬ ОТ ДИКТАТА К ДИАЛОГУ (1917–1991 гг.)**

УДК 94 (47) "1917/1991"

ББК 63.3 (2) 6

В статье проанализирована проблема взаимоотношений власти, общества и советской науки в период с 1917 по 1991 гг. Большой хронологический период предполагает только обзор социальных аспектов эволюции научной деятельности, проблемы адаптации ученых к «поворотам партийной линии», вопросов реформирования научных учреждений, политических репрессий ученых, сопротивления и восприимчивости науки к «внешнему» воздействию. Кроме того, показан процесс беспрецедентного количественного роста научных институтов и научных кадров в определенные исторические периоды. Также затрагивается проблема «большевизации» науки, огосударствления научной деятельности. Обосновано положение о том, что по внутренней сущности наука не стала пролетарской, а потеря политической свободы компенсировалась предоставлением ученым возможности в активной или пассивной форме адаптироваться к изменившейся жизни. Характеризуется процесс формирования в СССР «большой науки» и новые взаимоотношения ученых-администраторов с властью. Делается вывод о том, что в условиях жесткой централизации, иерархичности всей научной деятельности, монополизма, бюрократизма, господства авторитарных научных школ и репрессий институциональная основа науки оказалась очень устойчивой и подавляющее большинство научных работников верило в непогрешимость советской научной политики.

Ключевые слова: «большевизация» российской науки, партийное руководство наукой, советская наука, политические репрессии ученых, управляемая и организованная наука

Уяснение уроков взаимодействия властей, общества и науки призвано способствовать пониманию как места и роли науки в обществе, так и объективно существующих противоречий между властью и наукой. Игнорирование этой проблемы и отсутствие заинтересованного диалога уже привели к ряду негативных социальных и экономических явлений.

Расширение поля научной деятельности и курс на формирование пролетарской науки

Еще в дореволюционные годы в России возникли проекты реформирования научной деятельности, создания исследовательских институтов, усиления практической направленности академических исследований. В октябре 1917 г. большинство академиков встретило революцию враждебно. В ноябре 1917 г. среди них уже проявилась тенденция раскола. К сотрудничеству были готовы математики, представители естественных и технических наук. Однако гуманитарии были категорически против взаимодействия с новой властью.¹ Власть предпри-

нимала меры по усилению контроля за высшим образованием и наукой. Требование ученых улучшить их материальное положение трактовалось властью как контрреволюция. В обществе господствовала идея завоевать науку для пролетариата. Печать призывала преодолеть замкнутость Академии наук, сделать ее открытой для творчества «гения масс». Под руководством М. Н. Покровского в 1918 г. создается Социалистическая академия общественных наук. В октябре 1918 г. были отменены степени и звания ученых. Тяжесть Гражданской войны разделили и ученые. Преследование властей, аресты, конфискация имущества, холод, реквизиции, «уплотнение жилищ», бессмысленные расправы с близкими. Академия наук потеряла из-за смертей и эмиграции научных сотрудников более половины состава, но в то же время она ежегодно пополнялась и новыми членами. В 1922 г. власти выслали из страны наиболее независимую и активную часть ученых (в основном представителей гуманитарных наук).

Уже в 1918 г. начинается беспрецедентный рост числа научных учреждений. Только в 1918–1919 гг. было создано 33 института. Наркомпрос активно создавал институты при университетах, и к 1922 г. их было около 40. Вместе с тем в России уже был значительный интеллектуальный потенциал. Именно в эти

¹ См.: Колчинский Э. И. Наука и Гражданская война в России // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 360.

годы были начаты оригинальные исследования Н. Н. Семенова, И. М. Франка, П. А. Черенкова и И. Е. Тамма, Л. Д. Ландау, П. Л. Капицы. В зарубежных исследованиях признается лидерство россиян в биогеохимии, популяционной генетике и экологии. В 1920 г. Н. И. Вавилов открыл закон гомологических рядов наследственной изменчивости.

В конце 1920-х гг. в академической среде активно обсуждались различные точки зрения на роль и место прикладных исследований. Академик А. Н. Крылов полагал, что чрезмерное внимание к прикладным исследованиям наносит ущерб Академии наук, поскольку отвлекает ее силы и средства от разработки фундаментальных проблем. Другую точку зрения отстаивал В. И. Вернадский. Он писал, что задачей Академии наук и Комиссии по изучению естественных производительных сил России является не только развитие научных представлений, но и освоение научных истин и научного мировоззрения в их приложении к потребностям жизни.² Нельзя не обратить внимание на то, что за этой дискуссией скрывается существенная проблема российского общества — его крайне низкая инновационность. Иными словами, в Советской России так же, как и в дореволюционной империи, отсутствовали институты, способствовавшие превращению идей в технологии, а затем их широкому использованию и получению коммерческого успеха. Не случайно именно этой теме посвятил свою новую книгу известный историк науки Л. Грэхем.³

В соответствии с Уставом (1927 г.) в Академии наук открыли два отделения — физико-математических наук и гуманитарных наук. В 1928 г. Совнарком рекомендовал избрать в действительные члены Академии ученых-коммунистов. Однако при баллотировке на заседании общего собрания в январе 1929 г. А. М. Деборин, Н. М. Лукин и В. М. Фриче не получили необходимого большинства голосов, т. е. не были избраны. Ф. Ф. Перченко обнаружил и опубликовал в 1995 г. письмо вновь избранного в Академию П. Н. Сакулина, который писал о том, что эта группа «входит в Академию не для того чтобы работать, а для того чтобы контролировать и руководить... Ныне... про-

водится принцип, который я называю идеологической и методической диктатурой».⁴ После этого в адрес Академии наук стали раздаваться обвинения политического характера, а это само решение определялось как антисоветская деятельность. От имени работников «Балтийского завода» и «Красного треугольника» газеты Ленинграда требовали «уничтожить старый гнилой пережиток тайных баллотировок» и доказывали, что в «Советской России каждый честный гражданин должен голосовать открыто», а деятельность Академии наук должна проходить под контролем пролетарской общественности.⁵ Через месяц сопротивление Академии было сломлено: на экстраординарном общем собрании с участием вновь избранных академиков все рекомендованные правительством кандидатуры были избраны. Однако вскоре было сфабриковано дело «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». В итоге по «делу Академии наук» только историков было арестовано более 80 человек. Из числа главных обвиняемых в ссылке умерли историки член-корреспондент АН Д. Н. Егоров (1931), академик С. Ф. Платонов (1933), член-корреспондент С. В. Рождественский (1934), академик М. К. Любавский (1936).⁶

В 1920-х — начале 1930-х гг. сложилось 4 отрасли научной деятельности — академическая, вузовская, отраслевая и коммунистическая (гуманитарная). Власти, коммунистическая печать и новые политические структуры усиливали идеологическое давление на научные учреждения.

Советская наука на «службе социализма»

В мае 1930 г. Президиум ЦИК СССР утвердил новый Устав АН СССР. В документе Академии было поручено служить социалистической реконструкции страны и дальнейшему совершенствованию социалистического общественного строя. Также ставилась задача выработки нового научного метода на основе марксистского учения. В феврале 1931 г. на заседании чрезвычайного общего собрания Академии наук СССР А. П. Карпинский заявил, что § 19 Устава, позволяющий лишить звания действительного члена Академии без ведома Академии, «был включен прямо Правитель-

² См.: Кольцов А. В. Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1930 г. СПб., 1999. С. 135, 141.

³ См.: Грэхем Л. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, Советской и современной России. М., 2014.

⁴ Перченко Ф. Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 207.

⁵ Там же. С. 208.

⁶ Там же. С. 212, 213.

ством...»⁷ В дальнейшем этот параграф будет использоваться для лишения звания практически всех осужденных по политическим статьям и академиков-«невозвращенцев».

К концу 1920-х — началу 1930-х гг. относится зарождение советской отраслевой науки. Высшему совету народного хозяйства было поручено создать сеть научно-исследовательских институтов и нацелить их на решение производственных задач. Эти институты подчинялись многочисленным ведомствам. Хозрасчетным отраслевым объединениям передали 86 институтов и 47 филиалов. Вскоре их число достигло 205. Более 20 институтов подчинялось Плановому технико-экономическому управлению ВСНХ. Несколько десятков институтов было закреплено за региональными Советами народного хозяйства. За 1929–1931 гг. численность научного персонала выросла с 1 457 человек до 8 757.⁸ В эти годы также ярко проявилась тенденция к монополизации науки, концентрации руководства разными структурами в руках лидера направления. В связи с нехваткой научных работников в увеличившихся в несколько раз НИИ применялся призыв рабочих-ударников в науку.

Взаимоотношения вузов с научно-исследовательскими институтами строились по-разному. Положительным был опыт сотрудничества Петергофского естественнонаучного института с кафедрами Ленинградского университета. В Институте сложились мощные научные школы в генетике (Ю. А. Филипченко), в морской гидробиологии (К. М. Дерюгин), в анатомии и гистологии (Д. Н. Насонов), физиологии (А. А. Ухтомский), в ботанике (В. Л. Комаров), физиологии растений (С. П. Костычев).⁹

Перевод вузов в подчинение отраслевых комиссариатов и создание втузов ознаменовали череду больших потрясений в высшей школе. В 1930 г. наступила очередь государственных университетов. В печати появляется серия статей под рубрикой «Университеты не нужны». Государственный ученый совет Наркомпроса был заменен Учебно-методическим советом (куратор А. Я. Вышинский). Химические факультеты университетов переводились в подчинение Всехимпрома, медицинские — передавались Наркомздраву. В итоге

на базе университетов в 1930–1931 гг. было создано 60 втузов и вузов.¹⁰ Работы ведущих физиков С. И. Вавилова, А. Ф. Иоффе, Д. С. Рождественского стали планироваться с учетом программы индустриализации.

Взятый государственными органами и Академией наук курс на быстрое расширение сети институтов, лабораторий, баз и отделений в первой половине 1930-х гг. столкнулся с проблемой нехватки финансовых и материально-технических средств. Например, на организационные нужды Уральского филиала Академии наук в 1932 г. предусматривалось 1 140 тысяч рублей. Предполагалось, что средства направят отраслевые структуры (Востоко-сталь, Уралуголь, Востокококс, Ураллеспром, Севцветметзолото и др.). Вместо трех ранее запланированных институтов было создано только 2 лаборатории химического профиля.¹¹ Тем не менее, в декабре 1934 г. на базе микробиологической лаборатории создается Институт микробиологии. В этом же году был основан Институт физических проблем во главе с П. Л. Капицей.¹²

Документы свидетельствуют о том, что политические преследования и запугивание «старых» научных специалистов не прекратились и в начале 1930-х гг. В 1933 г. представителем ОГПУ по Московской области Я. С. Аграновым и его помощником А. П. Радзивиловским было сфабриковано дело «Крестьянской демократической партии». Всесоюзный политический центр организации, по мнению ОГПУ, возглавляли академики-аграрии Н. И. Вавилов, Н. М. Тулайков, Д. Н. Прянишников. По этому делу было арестовано более 160 человек¹³. Академики же пока оставили на свободе.

В 1934 г. была «раскрыта» новая «контрреволюционная организация» ученых — «Российская национальная партия». Было арестовано 140 человек и получены «показания» о том, что руководили организацией якобы академики В. И. Вернадский, Н. С. Державин, М. С. Грушевский, Н. С. Курнаков, В. Н. Перетц и М. Н. Сперанский. Авторы спецсообщения предложили арестовать В. Н. Перетца и М. Н. Сперанского, а Н. С. Курнакова — отстранить от руководства

⁷ Цит. по: Социальная история отечественной науки. Электронная библиотека и архив. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/> (дата обращения: 02.03.2017).

⁸ См.: Есаков В. Д. Советская наука в годы первой пятилетки М., 1971. С. 116–118.

⁹ См.: Колчинский Э. И. «Культурная революция» и становление советской науки (1928–1932) // Наука и кризисы. С. 608.

¹⁰ См.: Чанборисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы. Уфа, 1973. С. 281.

¹¹ См.: Академическая наука Урала: очерки истории. Екатеринбург; СПб., 2007. С. 129, 135, 136.

¹² См.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1921–1991/1922–1952. М., 2000. С. 165.

¹³ См.: Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. М., 2003. С. 395, 396.

оборонными работами. На первом листе документа сохранилась эмоциональная запись И. В. Сталина: «Нельзя ли отшить совершенно Академию наук от оборонных работ?»¹⁴ Оказалось, что нельзя. Н. С. Курнаков после переезда химических институтов в Москву остался директором Института общей и неорганической химии. Другим академикам повезло меньше. После завершения следствия ОГПУ сочло необходимым исключить М. Н. Сперанского и В. Н. Перетца из состава АН СССР и выслать их на 3 года. 26 июня 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) опросом «приняло» предложение ОГПУ.¹⁵

В 1934 г. было принято решение о переводе Академии наук в Москву. Новый Устав АН СССР был утвержден 25 ноября 1935 г. Академия получила статус высшего научного учреждения страны, объединявшего наиболее выдающихся отечественных ученых.

В целом, качество подготовки специалистов в середине 1930-х гг. оставалось невысоким. Поэтому предпринимаются меры по улучшению организации всей учебно-педагогической и научно-исследовательской работы. В 1934 г. СНК СССР принял постановление «Об ученых степенях и званиях». Устанавливалось 2 научные степени — кандидата и доктора наук — и по 3 научных звания в вузах и НИИ.

В условиях индустриализации росла роль прикладных наук. В 1936 г. на мартовской сессии общего собрания Академии наук были сформулированы крупнейшие народно-хозяйственные задачи, в решении которых должны участвовать научные учреждения Отделения технических наук. В 1937 г. путем объединения нескольких институтов создается Институт геологических наук со штатом в 300 человек. Крупных научных достижений в геологии добился А. Е. Ферсман, в металлургии — академик И. П. Бардин, в энергетике и электротехнике Г. О. Гравтио и М. А. Шателен. В конце 1930-х гг. Физический институт АН СССР превратился в мощный научный центр, решавший важные задачи как фундаментального, так и прикладного характера. Здесь работало 117 человек.¹⁶

Во второй половине 1930-х гг. в советской науке появились новые конфликты. В литературе уже обращалось внимание на то, что

они часто инициировались членами самих научных учреждений. Одним из таких конфликтов, как известно, было «дело академика Н. Н. Лузина» (1936 г.). Травлю своего учителя начали молодые, «креативные» московские математики¹⁷ и партийные функционеры. У читателей газет формировался образ ученого «царского времени» и, безусловно, «врага» социалистического строительства. От имени научных работников Энергетического института Академии наук СССР газета «Правда» опубликовала статью под названием «О врагах в советской маске».¹⁸

Общепризнанным является факт достижения советской физикой максимальной доли в мировой науке именно во второй половине 1930-х гг. Только в Ленинграде действовало три крупных физических института, а после переезда Академии наук в Москву создается Физический институт АН, в котором к 1937 г. насчитывалось 7 крупных лабораторий. Кроме физики академической, наращивает исследования физика университетская. Тем не менее, этот успех не ограждал физику от репрессий 1937–1938 гг. Репрессиям подверглись И. В. Обреимов (специалист по физической оптике), физики-теоретики В. А. Фок, Ю. А. Крутков, Л. Д. Ландау, М. П. Бронштейн, П. И. Лукирский (специалист в области физики атомного ядра) и др. И. Е. Тамм считал большой потерей для теоретической физики арест самого талантливого из его учеников — С. П. Шубина.¹⁹

В целом, 1930-е гг. оказались для социального развития науки очень противоречивыми. Например, Н. А. Тасиц отметила, что научная политика СССР позволяла решать текущие социально-экономические задачи, что, в свою очередь, «создавало прочную базу для развития науки в будущем».²⁰ В. Д. Есаков же показал несколько иное понимание социальной ситуации в науке. Он полагал, что научные дискуссии, проводившиеся в стране, были не столько противоборством различных групп ученых, сколько целенаправленными акциями, проводившимися по инициативе и под контролем центрального органа партии.

¹⁷ См.: Демидов С. С., Есаков В. Д. «Дело академика Н. Н. Лузина» в коллективной памяти // Дело академика Николая Николаевича Лузина. СПб., 1999. С. 23–27.

¹⁸ Правда. 1936. 12 июля.

¹⁹ См.: Горелик Г. Е. Москва, физика, 1937 год // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. С. 68.

²⁰ Тасиц Н. А. Научная политика СССР в 1927–1941 гг. // Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е гг.). М., 2012. С. 588.

¹⁴ Там же. С. 492.

¹⁵ Там же. С. 533.

¹⁶ См.: Стрекопытов С. П. История научно-технических учреждений в России (вторая половина XIX–XX вв.). М., 2002. С. 178.

К началу Великой Отечественной войны советская наука располагала широкой сетью университетов, академических и отраслевых институтов, филиалов Академии наук, лабораторий и научно-исследовательских баз. В самом начале войны при Государственном комитете обороны по предложению ученых для координации научной деятельности был создан Научно-технический совет. Специальные комиссии организовывали исследования для нужд фронта и поиски ресурсов стратегического сырья. В. Л. Комаров возглавлял такую комиссию в Свердловске, Е. А. Чудаков — в Казани.

Ученые внесли огромный вклад в создание вооружений и военных материалов. Они трудились в научно-технических учреждениях разного профиля и помогали решать неотложные вопросы фронта и тыла. Во время войны продолжали появляться новые академические институты. Были созданы Институт кристаллографии и Институт транспортных проблем. Под руководством И. В. Курчатова возобновились работы по расщеплению ядра урана. В 1943 г. при АН СССР была создана знаменитая Лаборатория № 2. В 1944 г. начал функционировать Западно-Сибирский филиал АН СССР.

Быстрый количественный рост научных учреждений в военный период, видимо, был связан с особенностями политического курса властей. Проект строительства нового общества трактовался и пропагандировался как исключительно научный, который должен был разрабатываться и внедряться достаточным количеством научных учреждений. Центральным государственным управленческим структурам и ведомствам было престижно, а часто и выгодно иметь свои институты. Наконец, даже в 1946 г., задолго до окончания восстановления народного хозяйства, И. В. Сталиным перед наукой ставилась задача «развернуть свои силы... и не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны».²¹ Формируется советская государственная модель научного труда как составляющей исторического опыта и классового борьбы, на основе единства партийности и научной объективности, «диалектизации естествознания» и принципа практичности. По образцу промышленности создавалась и новая система организации науки (директивное управление и планирование).

²¹ Речь товарища И. В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. // Правда. 1946. 10 февр.

Управляемая и организованная наука в начальный период «холодной войны»

После применения США в 1945 г. атомного оружия наука приобретает новое идеологическое и политическое значение. Рождаются новые формы взаимодействия науки, общества и власти. Государственные органы в СССР и других странах финансируют грандиозные научные и технологические проекты. В науке происходят трансформации институциональные и мировоззренческие.

В 1946 г. в советских научных учреждениях прошли многочисленные собрания, на которых обсуждались задачи борьбы за высокую идейность, против космополитизма и низкопоклонства перед западной культурой, вопросы развития критики и самокритики, единства теории и практики. Непосредственное негативное влияние на научное сообщество оказало так называемое «дело профессоров Н. Г. Ключевой и Г. И. Роскина» (известное как «дело КР»). Эти ученые проводили эксперименты для создания препарата против рака (круцин). Лабораторию Н. Г. Ключевой и Г. И. Роскина посещали американские медики, которым академик-секретарь АМН СССР В. В. Парин передал рукопись книги советских коллег. Все это было использовано для очередной кампании, направленной на борьбу с космополитизмом уже в научной среде. В начале 1947 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение об освобождении от должности министра здравоохранения Г. А. Митерева и об аресте В. В. Парина как «американского шпиона»,²² а 28 марта — постановление о Судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах. Суд чести мог вынести общественное порицание, объявить общественный выговор или передать дело следственным органам.²³ 1947 г. стал поворотной точкой в послевоенной социальной истории науки. «Суд» против Н. Г. Ключевой и Г. И. Роскина тщательно готовился с участием А. А. Жданова и И. В. Сталина. К слушанию дела было прикомандировано более 1000 человек. Суд закончился «общественным выговором», но это моральное унижение ученых длилось несколько дней. Осенью газеты развернули на основе «дела КР» идеологическую кампанию под лозунгом «За советский патриотизм». В это время и выяснилось,

²² См.: Кременцов Н. Л. Советская наука и холодная война // Наука и кризисы. С. 837.

²³ См.: Сталин и космополитизм. 1945–1953: документы Агитпропа ЦК. М., 2005. С. 109.

что ЦК ВКП(б), партаппарат желают иметь собственную позицию по научным вопросам.²⁴ Погромная сессия ВАСХНИЛ 1948 г., в частности, показала намерение партийных органов установить полный контроль над научной деятельностью.

На фоне политико-воспитательных директив ЦК ВКП(б) проходят «научно-идеологические дискуссии» по философии, химии, языкознанию, физиологии высшей нервной деятельности, политической экономии. Отстаивая собственные позиции, соперничавшие научные школы обвиняли конкурентов в «низкопоклонстве и раболепии», а то и в «пренебрежении приоритетом». Партийный аппарат еще больше укрепил свое влияние и осуществлял вмешательство уже и в интеллектуальную структуру научных исследований.

Концентрация сил и средств в оборонных отраслях позволила успешно решить «атомную» проблему. В 1949 г. СССР положил конец атомной монополии США. С 1950 по 1952 гг. в Челябинске-40 было пущено 5 промышленных атомных реакторов.²⁵ В 1953 г. началось строительство атомных подводных лодок, оснащенных ракетно-ядерным оружием.

Следует обратить внимание на то, что проблема восприимчивости и сопротивления науки партийно-государственному руководству возникает по отношению к политико-идеологическому диктату, попыткам не просто ограничить свободу научного творчества, а организационно воздействовать на специфические условия исследовательской деятельности.

В начале 1950-х гг. в Академии наук СССР вакантными оказались почти 27% штатов действительных академиков.²⁶ Выборы несколько раз откладывались. В силу сложившейся практики важные вопросы академической науки на общих собраниях также не обсуждались. Неожиданно для властей конфликт возник при утверждении в 1952 г. академиков-секретарей. Комиссию по подготовке выборов возглавлял секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов. По существующей традиции Секретариат ЦК в секретном порядке назначил академиков-секретарей. Однако против практики назначения академиков-секретарей решением Президиума АН СССР (так комиссия оформила свое решение)

выступили академики И. И. Артоболевский, В. С. Кулебакин, Н. Г. Бруевич.²⁷ В объяснительной записке в ЦК КПСС по поводу этого заявления президент Академии наук А. Н. Несмеянов вынужден был писать, что он в присутствии беспартийных академиков не мог говорить о принятии решения Секретариатом ЦК КПСС.²⁸

*Наука в период от «оттепели»
до грандиозных научно-технических
проектов и идеологии стабилизации*

В партийно-государственных решениях середины 1950-х гг., специально посвященных подъему промышленности и техническому прогрессу, продолжали господствовать установки на решение всех многообразных проблем, связанных с созданием новой техники, силами отраслевых НИИ. На недостатки такого рода указал в своей речи на XX съезде КПСС (1956) президент Академии наук СССР А. Н. Несмеянов. Он подчеркнул, что «освещать дорогу в будущее» новой технике и производству должна теоретическая наука, в первую очередь физико-математический, химический, биологический комплексы наук. Характерно, что и печать ставила в центр внимания проблему соединения науки, техники и производства. 18 мая 1957 г. Совет Министров постановил организовать первое региональное отделение Академии наук СССР — Сибирское. К 1961 г. численность научных работников за Уралом возросла более чем в три раза.

В середине 1950-х гг. ученые различных специальностей начинают открытую борьбу с традициями монополизма, авторитаризма и имитации деятельности в биологии. В январе 1956 г. на известном своей научной репутацией теоретическом семинаре П. Л. Капицы в Институте теоретической физики были заслушаны доклады о строении ДНК и принципе генетического кода, а также о закономерностях радиационной генетики. Попытки ответственных работников аппарата ЦК КПСС помешать проведению семинара были «отбиты» П. Л. Капицей, добившимся на самом высоком политическом уровне права самому решать вопрос о программе семинара.²⁹

Несмотря на институциональные трудности, в 1950-е гг. был достигнут технологический

²⁴ См.: Кременцов Н. Л. Указ. соч. С. 880.

²⁵ См.: Новоселов В. Н., Толстиков В. С. Тайна «сороковки». Екатеринбург, 1995. С. 303, 304.

²⁶ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 82. Л. 73.

²⁷ Там же. Л. 53.

²⁸ ЦК ВКП(б) утвердил академиком-секретарем Отделения литературы и языка академика В. В. Виноградова, академиком-секретарем Отделения технических наук — академика С. А. Христиановича.

²⁹ РГАНИ. Ф. 5 Оп. 30. Д. 91. Л. 63.

прогресс в тяжелой и оборонной промышленности. Об этом свидетельствует запуск трех искусственных спутников земли, испытание межконтинентальной баллистической ракеты, создание межконтинентального бомбардировщика, строительство атомных электростанций, спуск на воду атомного ледокола. Но проблема заключалась в том, что удельный вес третьего уклада (электротехническое и тяжелое машиностроение, прокат стали, неорганическая химия) не сокращался, а четвертого (автомобиле-, тракторостроение, синтетические материалы, нефтехимия) — не достиг и половины того уровня, с которого могло начаться его сокращение.³⁰ Технологическая база гражданских отраслей промышленности развивалась крайне медленно, значительное отставание наметилось в разработке и выпуске электронно-вычислительной техники.³¹ При этом и качественные характеристики подготовки кадров в этом секторе науки были низкими. В 1961 г. в 87 НИИ РСФСР, подчиненных совнархозам, работники со степенями доктора и кандидата наук составляли 8,5 % от их общей численности научных сотрудников.³²

В планах семилетки не было должной «увязки» между многими контрольными цифрами, ряд заданий утверждался вообще без научного обоснования. В 1958–1959 гг. из государственного плана развития науки и техники был исключен раздел «Освоение образцов новой техники, снятие с производства устаревшей продукции». Однако, как отмечал В. С. Лельчук, многие из этих недостатков были понятны лишь узкому кругу специалистов.³³

В течение длительного времени основной характеристикой развития научных кадров был их количественный рост. За 1950-е гг. их численность удвоилась, а среднегодовые темпы роста были равны 8,1 %. Во второй половине 1970-х гг. отраслевые институты и предприятия по-прежнему не были заинтересованы в быстрой разработке НИОКР и постоянном использовании достижений науки и техники. Даже деятельность научно-производственных объединений оценивалась по объемным показателям. При этом практика хозяйствования не предусматривала

учета «хозрасчетного эффекта» от внедрения техники. Финансовые, контролирующие ведомства и органы власти под предлогом борьбы с «обогащением» повсеместно пресекали деятельность внедренческих фирм и организаций, создаваемых для ускорения работы в цикле «наука–техника–производство–сбыт».

Отношения партийно-государственных и местных руководителей с научными работниками были сложными и противоречивыми. Политические преследования инакомыслящих ученых, например А. Д. Сахарова, административное формирование групп «провластных подписантов», показывают, насколько был низок уровень солидарности в научной среде.

Наука в эпоху нарастания кризисных явлений и перестройки

В середине 1980-х гг. в рамках концепции ускорения социально-экономического развития была поставлена задача получать от научных исследований несравненно больший эффект. Власти признавали, что ядром отечественного научного потенциала была Академия наук СССР. На развитие науки выделялось около 5 % национального дохода.

Уже традиционно перед Академией наук ставилась противоречивая задача. Утверждалось, что приоритетное значение нужно придать развитию фундаментальной науки, и одновременно указывалось на необходимость «круто повернуть академические институты в сторону расширения работ, имевших техническую направленность, повысить их роль и ответственность за создание теоретических основ принципиально новых видов техники и технологий»³⁴. М. С. Горбачев предложил подумать о создании отделения Академии наук по проблемам машиностроения и ускорить открытие комплексных межотраслевых научно-технических центров. В отраслевых институтах к 1985 г. было сосредоточено более половины ученых страны. В подчинении промышленных министерств находилось большое количество НИИ. Именно эти научные учреждения были названы главными виновниками существующего низкого уровня научно-технического облика отраслей. В качестве решения проблемы М. С. Горбачев предложил многие институты и проектно-конструкторские организации включить в состав научно-производственных объединений и предприятий. В связи с этой

³⁰ См.: Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993. С. 97, 119, 138.

³¹ См.: Справка о состоянии вычислительной техники в СССР и США // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 190. Л. 3–15.

³² Архив Академии наук СССР (Архив РАН). Ф. 591. Оп. 1. Д. 980. Л. 15.

³³ См.: Лельчук В. С. Научно-техническая революция и промышленное развитие СССР. М., 1987. С. 115.

³⁴ Горбачев М. С. Коренной вопрос экономической политики партии. М., 1985. С. 18, 19.

проблемой отметим, что в стране уже было 250 НПО, но форпостами научно-технического прогресса они в предшествующие годы так и не стали.

Научная общественность с пониманием встретила эти задачи. В 1986 г. было принято решение об организации в Академии наук СССР двух отделений — проблем машиностроения, механики и процессов управления; информатики, вычислительной техники и автоматизации. Тогда же, в 1986 г., на базе Уральского научного центра было создано Уральское отделение АН СССР, а Дальневосточный научный центр был преобразован в Дальневосточное отделение.

Особенность выборных процедур в политической сфере периода перестройки заключалась в возможности публично, в печати высказывать критическое мнение о кандидатурах. М. С. Горбачев рассматривал вопрос о восстановлении положения Академии наук СССР как независимого высшего научного учреждения. Однако одновременно в РСФСР разрабатывалось решение создать новую академию как сообщество ученых, без институтов, с опорой на академические учреждения, находящиеся в регионах. При этом государство должно было выдавать средства Академии наук через фонды. В 1991 г. в стране уже существовало две академии с названием Российская академия наук. Вскоре произошло их объединение. По причинам институционального и социокультурного характера существенных реформ в РАН не произошло.

Профессиональная структура кадров в СССР складывалась стихийно. Каждое ведомство открывало вакансии, исходя из своих потребностей, а Госплан СССР определял номенклатуру и численность подготовки специалистов в вузах, исходя из заявок предприятий и учреждений. К концу 1980-х гг. в стране насчитывалось научных работников более 1525 тысяч. Если темпы прироста численности научных кадров в 1960–1970 гг. состави-

ли 10,1%, в 1970–1980 гг. — 4,1%, а в 1980–1990 гг. — только 1,4%.³⁵

Конечно, следует признать, что тип развития не только отраслей науки, но и отдельных направлений, областей знания отличался существенным образом. Например, отсутствие объективного знания о существующем обществе, неразвитость социальной науки вели к непониманию разницы между социальными и экономическими проблемами. Даже учитывая, что эпоха перестройки сама во многом была яркой эмоцией, высказывания социологов об общественных науках содержали большую долю пессимизма. Еще в 1990 г. С. Г. Кордонский и В. А. Ядов высказали мнение о том, что «науки об обществе в СССР уничтожены почти полностью», и из этого «кризисного состояния социальная наука должна выйти, так как обществоведческое знание необходимо не меньше знания четырех правил арифметики».³⁶ М. Г. Делягин доказывал, что «наука трансформировалась из поиска истины в сложный социальный ритуал, красивый и изощренный, но вполне бесполезный с точки зрения общественного развития»; кризис науки, по его мнению, маскирует процесс, в котором наука как таковая перестала быть главной производительной силой.³⁷

Подводя итоги, отметим, что советская модель науки с четким разделением функций вузов (преимущественно образование) и научно-исследовательских институтов (приоритет научного поиска) в условиях XX в. во многом себя оправдывала. Вместе с тем в идеализации советской науки проявляется неприятие корыстных и фрагментированных реформ. Только преодоление общественного кризиса поможет в какой-то новой форме создать науку XXI в. Производить новое знание, постигать истину, пересматривать основания знания, определять действительную эффективность научной деятельности становится все труднее. Поэтому для формирования современной науки, а также для ее коммуникации с обществом, необходима новая диалоговая практика.

³⁵ См.: Научные кадры СССР: динамика и структура. М., 1991. С. 134.

³⁶ Цит. по: Социология перестройки. М., 1990. С. 178, 190.

³⁷ Делягин М. Г. Кризис современного знания // Пути России: современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения. М., 2009. С. 15.

Viktor S. Balakin

Doctor of Historical Sciences, South Ural State University (Russia, Chelyabinsk)

E-mail: balakinvs@susu.ruPOWER, SOCIETY AND SOVIET SCIENCE: DIFFICULT ROAD
FROM DICTATORSHIP TO DIALOG (1917–1991)

The article studies the problem of relationship between the authorities, the society and the Soviet academic research during the period between 1917 and 1991. Owing to an extended length of the chronological period covered by the study it offers only a general review of the social aspects of the evolution of academic research, the problems of adaptation of the researchers to the “twists of the Party line”, the issues of the academic institutions reform, the political repressions against the scientists, the resistance and the receptiveness of science to “external” forces. In addition the author analyzed the process of an unprecedented quantitative growth of the number of research institutions and academic research staff during certain historical periods. Another problem explored by the author was the “Bolshevization” of research, total nationalization of research projects. The author provides arguments in favor of the idea that scientific research did not become inherently proletarian, at the same time the government by way of compensating the researchers for the loss of their political freedom offered them an opportunity of either active or passive adaptation to the changed conditions of life. The article described the process of the formation of “Big Science” in the USSR and the new relationship between the researchers-administrators and the authorities. A conclusion was made that under the conditions of strict centralization, the hierarchical structure of all academic research organization, the domination of monopolism, bureaucracy, authoritarian research schools and repressions the institutional basis of science proved to be quite enduring, and that a vast majority of researchers sincerely believed in the infallibility of the Soviet science policy.

Keywords: “Bolshevization” of Russian science, Party leadership of science, Soviet science, political repression of scientists, managed and organized science

REFERENCES

- Akademicheskaya nauka Urala: ocherki istorii* [Academic Science of the Urals: Essays on History]. Ekaterinburg; Saint-Petersburg: “Ludovig” Publ., 2007, 480 p. (in Russ.).
- Akademiya nauk v resheniyakh Politbyuro TsK RKP(b)–VKP(b)–KPSS. 1922–1991/1922–1952* [The Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b)–VKP(b)–CPSU. 1922–1991/1922–1952]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2000, 591 p. (in Russ.).
- Chanborisov Sh. Kh. *Formirovanie sovetskoy universitetskoy sistemy (1917–1938 gg.)* [The formation of the Soviet university system (1917–1938)]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatelystvo Publ., 1973, 472 p. (in Russ.).
- Delyagin M. G. [The crisis of modern knowledge]. *Puti Rossii: sovremennoe intellektualnoye prostranstvo: shkoly, napravleniya, pokoleniya* [The Ways of Russia: Modern Intellectual Space: Schools, Directions, Generations]. Moscow: Universitetskaya kniga Publ., 2009, vol. 16, pp. 11–16. (in Russ.).
- Demidov S. S. Yesakov V. D. [“The case of Academician N. N. Luzin” in the collective memory]. *Delo akademika Nikolaya Nikolaevicha Luzina* [The case of Academician Nikolai Nikolaevich Luzin]. Saint-Petersburg: Russkiy Khristianskiy gumanitarnyy institute Publ., 1999, pp. 9–50. (in Russ.).
- Glazyev S. Yu. *Teoriya dolgosrochnogo tekhniko-ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of long-term technical and economic development]. Moscow: VladDar Publ., 1993, 310 p. (in Russ.).
- Gorelik G. Ye. [Moscow, Physics, 1937]. *Tragicheskie sudyby: repressirovannyye uchenye Akademii nauk SSSR* [Tragic destinies: repressed scientists of the USSR Academy of Sciences]. Moscow: Nauka Publ., 1995, pp. 54–75. (in Russ.).
- Kolchinskiy E. I. [“Cultural Revolution” and the formation of Soviet science (1928–1932)]. *Nauka i krizisy. Istoriko-sravnitelnyye ocherki* [Science and crises. Historical and comparative essays]. Saint-Petersburg: “Dmitriy Bulavin” Publ., 2003, pp. 577–669. (in Russ.).
- Kolchinskiy E. I. [Science and the Civil War in Russia]. *Nauka i krizisy. Istoriko-sravnitelnyye ocherki* [Science and crises. Historical and comparative essays]. Saint-Petersburg: “Dmitriy Bulavin” Publ., 2003, pp. 357–438. (in Russ.).

Kolytsov A. V. *Sozdanie i deyatelnosty Komissii po izucheniyu estestvennykh proizvoditelnykh sil Rossii. 1915–1930 g.* [The creation and activities of the Commission for the Study of the Natural Productive Forces of Russia. 1915–1930]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 1999, 182 p. (in Russ.).

Kordonskiy S. G. [Social studies as a state institution]. *Sotsiologiya perestroyki* [Sociology of perestroyka]. Moscow: Nauka Publ., 1990, 180 p. (in Russ.).

Krementsov N. L. [Soviet science and the Cold War]. *Nauka i krizisy. Istoriko-sravnitelnyye ocherki* [Science and crises. Historical and comparative essays]. Saint-Petersburg: “Dmitriy Bulavin” Publ., 2003, pp. 830–907. (in Russ.).

Lelychuk V. S. *Nauchno-tekhnicheskaya revolyutsiya i promyshlennoe razvitie SSSR* [Scientific and technological revolution and industrial development of the USSR]. Moscow: Nauka Publ., 1987, 286 p. (in Russ.).

Nauchnye kadry SSSR: dinamika i struktura [Scientific staff of the USSR: dynamics and structure]. Moscow: Mysly Publ., 1991, 284 p. (in Russ.).

Novoselov V. N., Tolstikov V. S. *Tayna «sorokovki»* [Mystery of “sorokovki”]. Ekaterinburg: “Uralyskiy rabochiy” Publ., 1995, 448 p. (in Russ.).

Perchenok F. F. [“The Case of the Academy of Sciences” and “The Great Fracture” in Soviet Science]. *Tragicheskie sudyby: repressirovannyye uchenyye Akademii nauk SSSR* [Tragic destinies: repressed scientists of the USSR Academy of Sciences]. Moscow: Nauka Publ., 1995, pp. 201–235. (in Russ.).

Strekopytov S. P. *Istoriya nauchno-tekhnicheskikh uchrezhdeniy v Rossii (vtoraya polovina XIX–XX vv.)* [The history of scientific and technical institutions in Russia (second half of the 19–20th centuries)]. Moscow: RGGU Publ., 2002, 425 p. (in Russ.).

Tasits N. A. [The scientific policy of the USSR in 1927–1941]. *Raspisanie peremen. Ocherki istorii obrazovatelnoy i nauchnoy politiki v Rossiyskoy imperii – SSSR (konets 1880–1930–e gg.)* [Schedule of changes. Essays on the history of educational and scientific policy in the Russian Empire – the USSR (late 1880s and 1930s)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, pp. 564–592. (in Russ.).

Yesakov V. D. *Sovetskaya nauka v gody pervoy pyatiletki* [Soviet science during the First Five-Year Plan period]. Moscow: Nauka Publ., 1971, 242 p. (in Russ.).